

НЕОМАРКСИЗМ И ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Аналізуються основні напрямки розвитку західної теорії соціального конфлікту в контексті становлення сучасного неомарксизму. Особлива увага приділяється провідним варіантам інтерпретації Марксової моделі класу та класової боротьби за нових умов існування сучасного світу.

Ключові слова: марксизм, клас, конфлікт, теорія.

The main directions of development of the western social conflict theory in the context of construction of the modern Neo-Marxism are analyzed. The particular attention is given to key variants of the interpretation of Marx's model of class and class struggle in the new conditions of existing of present world.

Key words: Marxism, class, conflict, theory.

Изучение проблемного поля западной теории социального конфликта в контексте анализа основных идей последователей Марксовой концепции общественно-экономической формации, в которой особое место занимает модель классовой борьбы, в современных условиях развития украинского общества приобретает особую актуальность как минимум с двух позиций:

– во-первых, с позиции реального осознания того, что только теория конфликта как наиболее совершенная форма знания данного элемента социального мира способна адекватно интерпретировать трансформационные процессы, наблюдаемые в социальных системах, которые сопровождаются возникновением и развитием различных видов борьбы и столкновений интересов;

– во-вторых, с позиции достаточно обоснованного предположения, что дальнейшее развитие учение К. Маркса о классах и классовой борьбе (т.е. оформление в самостоятельную концептуальную схему с позиции диалектического материализма, которая не наблюдается в работах его основателя) приобретает именно в теоретических построениях западных сторонников марксизма.

Исходя из этого, целью статьи выступает анализ западной марксистской литературы 50–90-х годов XX ст. в контексте обоснования основных направлений развития Марксовой модели классов и классовой борьбы.

Следует заметить, что в 50-х годах XX ст. анализ Марксовой позиции в вопросе о классах и классовой борьбе выступает центральной темой многих публикаций западных представителей марксистской философии [см.: 1; 7; 8]. Однако основная цель исследований, как следует, например, из произведений Э. Гранта, Дж. Коул, Т. Пира, – не «защита марксизма» в доктринерском понимании этих слов», а выяснение, действительно ли позиция К. Маркса по данному вопросу «содержит ценные выводы, сохраняющие свое значение» для общества, классовая структура которого отличается от традиционной структуры капиталистического общества

середины XIX ст. – начала XX ст., и прежде всего, многочисленным по составу так называемым «средним классом» [1, с. 15].

Основываясь на положении К. Маркса, в котором основой деления общества на классы выступает форма собственности на средства производства и присвоения продуктов труда, английские исследователи-марксисты обоснованно доказывают, что «среднего класса» в Марксовом понимании слова в структуре современного капиталистического общества не существует. В класс, сформировавшийся, по мнению целого ряда западных исследователей (Р. Бендикса, Дж. Бернхэма, Г. Гейгера, Д. Локвуда, Ч. Миллса), в новых социально-экономических условиях развития общества в XX ст. (и, прежде всего, вызвавших изменения в структуре занятости), обычно включают высокооплачиваемых представителей профессий неручного труда, представителей мелкого бизнеса и т.п. Последние, в контексте рассуждений К. Маркса, в конечном счете, могут выступать или собственниками капитала, или собственниками одной только рабочей силы (как бы высоко она не оплачивалась). Исходя из этого, вышеобозначенные представители общества могут образовывать (и составляют) различные социальные группы, различающиеся по величине доходов, статусу, доступу к властным полномочиям, но не могут находиться над антагонизмом между капиталистами и наемными рабочими и соответственно не могут способствовать преодолению классовых противоречий между последними.

В конце 60-х годов XX ст. основные идеи К. Маркса относительно закономерностей развития отношений между антагонистическими классами активно анализируются со стороны западных сторонников марксизма в границах критики альтернативного революционному преобразованию традиционных структур общества процесса так называемой «постепенной социальной инженерии». Проблемы социальной инженерии наиболее широко были представлены в произведениях английского философа и историка К. Поппера, американского социального антрополога А. Кребера, американского экономиста и психолога Э. Мэйо. В частности под социальной инженерией предлагалось понимать «планирование и конструирование институтов с целью возможного сдерживания, регулирования или же ускорения предстоящего социального развития» [см.: 5]. Реализацию на практике отмеченных моментов предлагалось осуществлять не политическими средствами с применением насилия, а постепенно, через систему социальных реформ, т.е. демократическим методом. Таким образом, демократические институты (по определению К. Поппера, те, которые способны обеспечить смену правительства без кровопролития) в современном обществе выступают одновременно и средством проектирования социальных достижений, и средством социального контроля над тем, что может привести к безграничной и безответственной власти определенных лиц или групп. Именно функционирование таких институтов позволяет, по наблюдениям английского философа, находить компромиссные варианты в решении вопросов, касающихся согласования противоположных интересов представителей различных классов (например, улучшение условий жизни и работы представителей наемного труда, расширение возможностей их участия в политической жизни общества и т. п.)

и утверждать, что классовая борьба «притупляется и находится на пути к исчезновению» [5, с. 27].

Однако, по справедливым замечаниям представителей западного марксизма (наиболее ярким из которых является английский исследователь М. Корнфорт), «эти компромиссы как раз и доказывают, что классовая борьба продолжается и что они представляют собой ее результат» [2, с. 305]. Кроме того, в своем ответе К. Попперу на его опровержение марксизма («Открытая философия и открытое общество» (1968)) М. Корнфорт утверждает, что «появление так называемой «постепенной социальной инженерии» – это лишь частный случай современного проявления классовой борьбы между капиталом и трудом, управляемой законами не механики, а классовой борьбы». И далее, что, «пока сохраняется положение, при котором можно достигать договоренности, не мешающей в существенной степени накоплению капитала и в тоже время приносящей выгоду труду, подобные соглашения будут заключаться и впредь» [2, с. 306].

Следует заметить, что, интерпретируя классовую борьбу как один из важнейших факторов формирования истории в целом (и современной в частности), некоторые английские марксисты предложили пересмотреть основные Марксовы принципы ее возникновения и развития. В представлениях, например, З. Томпсона это означало отход от экономического редукционизма («базис определяет надстройку») и от идеи, что историческим развитием управляют безличные и наиндивидуальные структуры. Автор книги «Возникновение английского рабочего класса» (1978) предлагает понимать историю как постоянно идущую борьбу между разными группами и классами, в которой экономические, политические и культурные отношения составляют единое целое. Для ее адекватной интерпретации и дальнейшего объективного анализа, на его взгляд, необходимо, прежде всего, раскрыть рациональное звено в действиях исторических фигур. Соглашаясь с тем фактом, что множество восстаний и бунтов во всемирной истории не достигли намеченных целей, З. Томпсон, тем не менее, предлагает считать этот показатель «чисто внешним». Все субъекты различных политических и экономических конфликтов, проявившихся в форме бунтов, восстаний, забастовок, акций протеста, революций выступили участниками построения современного общества [11, р. 103].

Возникновение отмеченной тенденции в размышлениях марксистов 60-х–70-х годов принято объяснять историческими обстоятельствами (разоблачением культа личности, кубинской революцией и т. п.) [4, с. 142]. Однако очевидно, что смена акцента в Марксовой оценке роли личности и народных масс в истории не могла произойти без ориентации на доминирующий в теоретических построениях западных исследователей структурный функционализм Т. Парсонса. Последний момент стал более очевидным в последующих исследованиях теоретических последователей К. Маркса.

В 80-е годы XX ст. в западной социальной философии формируется новое направление – так называемый «аналитический марксизм», основная цель которого заключается в исследовании и интерпретации Марксовой теории исторического

развития средствами немарксистской науки и философии. К последним предлагается отнести англосакскую аналитическую философию, представленную идеями У. Джеймса, Дж. Мида, Дж. Дьюи, Г. Блумера, И. Гоффмана, теорию игр и теорию рационального принятия решений. С позиции применения современных логических средств и математического аппарата развивают Марксовы положения относительно образования классов и условий развития классовой борьбы такие представители аналитического марксизма, как Дж. Коэн, Дж. Ремер, Э. Райт, А. Пшеворский, Дж. Эльстер, А. Вуд.

Согласно размышлениям канадского философа Дж. Коэна, Марксову теорию исторического развития (путем смены общественно-экономических формаций) можно представить как функциональную объяснительную модель. В результате ее основные элементы – понятия и взаимосвязи между ними – получают «новую» смысловую интерпретацию. Так, производственные отношения, рассматриваемые К. Марксом как форма развития производительных сил, предлагается анализировать в более «размытом» варианте – как совокупность некоторых элементов, связанных с развитием и функционированием производительных сил. Базис, рассматриваемый автором «Капитала» как совокупность производственных отношений, включающая отношения людей в процессе производства материальных благ и формы распределения на основе отношения к средствам производства (т.е. формы собственности) жизненных средств, и уже в силу своей природы, предполагающий активное взаимодействие с производительными силами и влияющими на их развитие политическими и юридическими структурами общества (его надстройкой), рекомендуется анализировать как функциональный императив относительно надстройки, обладающей способностью стабилизировать классовую власть буржуазии в экономике [см.: 4]. Очевидно, что предложенные нововведения не уточняют основные положения Марксовой концепции классовой борьбы (даже с позиции обоснования роли и значения ее основных элементов относительно друг друга), а переводят теоретическую конструкцию классика с уровня диалектических размышлений в плоскость антиисторических и абстрактных построений – основу структурного функционализма.

В исследованиях американского профессора Дж. Ремера развитие идей К. Маркса относительно классовой борьбы и условий реализации ее в форме социальной революции осуществляется в границах построения новой теоретической конструкции эксплуатации и классов, отражающей их генезис и динамику во всех типах общества – от рабовладельческого до социалистического. Основное содержание теории заключается в положении о постоянном существовании для эксплуатируемого класса альтернативы, улучшающей его положение и основанной на справедливом распределении в социальной системе материальных благ [10, р. 103]. При этом механизм возникновения, формирования и достижения данной альтернативы перемещается исследователем с уровня непосредственного производства материальных благ на уровень их распределения, т.е. в сферу проблемы экономического и социального неравенства. Очевидно, что в результате такого подхода борьба между представителями различных классов утрачивает свой

коллективный характер и приобретает явно индивидуальную направленность, которую предлагается формализовать с помощью средств математического анализа. Из такой интерпретации природы генезиса эксплуатации, предложенной Дж. Ремером, никоим образом не следует отказ от собственности как определенной формы присвоения произведенных материальных благ. Поскольку общеизвестно, что, по К. Марксу, предварительным условием распределения произведенных материальных благ, необходимых для жизни людей, является присвоение средств производства. Последний процесс предполагает владение, распоряжение и использование этих средств, позволяющих организовать собственно производство материальных благ и извлекать доходы из его работы. Величина дохода для каждого участника производства определяется их местом в системе его организации, т.е. характером доступа к средствам производства. Владение средствами производства гарантирует прибавочную стоимость, распоряжение (или управление) ими и их непосредственное использование – заработную плату. Однако акцент на распределительном моменте расширяет границы для применения психологических методик и математических расчетов, позволяющих, по мнению Дж. Ремера, спрогнозировать возможные действия представителей эксплуатируемого класса, с помощью социальной политики смягчить деструктивность их последствий для общества.

В рассуждениях его коллеги А. Пшеворского данные моменты конкретизируются с помощью модели выбора рабочими рациональной социально-демократической стратегии построения социализма, адекватной различным социально-экономическим условиям. В качестве основных переменных такой модели выбора предлагается рассматривать T (время от принятия решения до проведения национализации), W (заработную плату рабочих), K (уровень инвестиций капитала) и D (уровень развития экономики). Выбор описывается формулой:

$$M = F \{T, W, K, D\}, \text{ где } M \text{ принадлежит } \{M_{\text{доп}}\}.$$

При этом очевидно, что выбранная модель в общем случае является одной из множества допустимых моделей. При ее выборе учитываются как определенные факторы (перечисленные переменные), так и случайные факторы (например, личностные предпочтения субъекта принятия решения) [см.: 9].

В последующих произведениях польского философа предпринимается попытка заменить в целом социалистический идеал на новую модель общественного устройства на том основании, что «социализм, которому свойственно строго плановое распределение, вообще несостоятелен, ибо в его фундаменте лежат невыполнимые требования, касающиеся поведения тех, кто планирует, производит и потребляет» [6, с. 14]. В качестве основных таких моментов предлагается рассматривать: ограниченность возможностей планирующего при решении проблемы (даже при наличии точной информации) из-за ее сложности; отсутствие достоверной информации о потребностях и возможностях фирм из-за личной заинтересованности индивидов в ее сокрытии; отсутствие у планирующего желания действовать в интересах общего благосостояния [6, с. 178].

Используя Марксов подход к критике капитализма, основанный на анализе противоречия, существующего между производительными силами и производственными отношениями, А. Пшеворский также рассматривает его как иррациональную систему, не имеющую социальной перспективы. Однако его утверждение (в отличие от вывода К. Маркса) о бесперспективности реформирования современного капитализма (лишенного технически осуществимых способов распределения благ) формулируется на основе прежде всего результатов теоретико-игрового анализа. На его взгляд, применение теоретико-игровых представлений позволяет сочетать диалектико-материалистическую методологию «с «идеологически» нагруженной и открыто нерациональной онтологией «индивидуумов», которые в своей массе кажутся однородными в том смысле, что преследуют схожие стратегии и часто стремятся к одним и тем же выигрышам» [6, с. 85].

Основываясь на идее Дж. Ремера о том, что «формы собственности менее важны для благополучия общества, нежели механизмы распределения», А. Пшеворский в качестве наиболее рациональных и гуманных экономических систем предлагает рассматривать те из них, «которые построены на принципах регулируемой экономики (распределение ресурсов) и государственной политики обеспечения минимума благополучия каждому члену общества» [6, с. 14]. Справедливо отмечая неидеальность этой социал-демократической модели общественного устройства общества ни в отношении экономической эффективности, ни в отношении социальной справедливости, польский автор для современных условий развития, тем не менее, находит ее наиболее предпочтительным вариантом. И по аналогии с Марксовыми положениями видит основу их развития в разрешении определенного типа противоречий – политических. Разрешать их предлагается не через форму революций, а эволюционным способом. Основываясь (опять же) на теоретико-игровом подходе, разрешение этих социальных противоречий предлагается рассматривать только в условиях, когда ни одна из сторон никогда полностью не контролирует положение и не определяет конечный результат, который для всех политических субъектов всегда остается неопределенным [6, с. 28–65].

Следует заметить, что изменения, которые наблюдаются в содержании экономической и социальной политики, проводимой демократическими государствами, и на которых акцентируется внимание представителей аналитического марксизма – поощрение технологического прогресса, противодействие экономическим отклонениям, управление инвестициями, обеспечение мобильности трудовых ресурсов, создание социальных служб, поддержание уровня доходов и т. п., – осуществляются явно с учетом замечаний К. Маркса и Ф. Энгельса, высказанных ими в рамках описания и критики капиталистического способа производства [см.: 3].

Другими словами, осуществления изменений в политике, проводимой современными демократическими государствами (по-прежнему основанных на капиталистическом способе производства), происходят (если использовать идею Аристотеля о том, что «противоположные меры производят противоположные

действия») по принципу – предупреждение возникновения условий, обостряющих классовую борьбу (по К. Марксу), неизбежно ведет к ее ослаблению. При этом, критически оценивая новые реалии социально-экономических преобразований в демократических обществах, редко кто из исследователей (даже последовательных марксистов) предлагает их проанализировать в контексте развития именно Марксовой модели классовой борьбы.

Таким образом, можно сделать вывод, что в исследованиях представителей западного марксизма на протяжении всего XX ст. учение К. Маркса о классах и классовой борьбе не рассматривается как самостоятельный вариант теории социального конфликта и даже не обосновываются основные подходы к его развитию в данном направлении. Ими справедливо отмечается, что вопрос о классах невозможно оторвать от общей концепции марксизма – он выступает как предпосылка и одновременно как результат решения его коренных проблем. Материалистическая диалектика имела в качестве своего объекта, прежде всего, реальную диалектику классовой борьбы и обосновывала для пролетариата (основного субъекта) способы и средства разрешения противоречий капиталистического способа производства в контексте общей концепции. Исходя из этого, основной целью этих разработок выступает в конечном счете обоснование применения положений Марксовой теории исторического развития для понимания (и соответственно – изменения) наблюдаемой социальной реальности.

Литература:

1. Грант Э. Социализм и средние классы: Пер. с англ. – М.: Госполитиздат, 1960. – 200 с.
2. Корнфорд М. Открытая философия и открытое общество: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1972. – 532 с.
3. Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 30 т. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 16. – С. 101–155.
4. Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы: Пер. со шв. – СПб.: Нотабене, 1992. – 445 с.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. – Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы: Пер. с англ. – М.: Феникс, 1992. – 528 с.
6. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке: Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2000. – 320 с.
7. Cole G. Studies in Class Structure. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1955 – 178 p.
8. Pear T. English Social Differences. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1955. – 165 p.
9. Przeworski A. Capitalism and Social Democracy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 246 p.
10. Roemer J. Analytical Marxism. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 543 p.
11. Thompson E. The Poverty of Theory. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1978. – 249 p.